

УДК 343/721

КРИТЕРИИ РАЗГРАНИЧЕНИЯ МОШЕННИЧЕСТВА В СФЕРЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО ДЕЛИКТА

© 2013 г.

И.А. Киселева

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

kiselevai3@rambler.ru

Поступила в редакцию 13.05.2013

Раскрываются вопросы разграничения мошенничества в сфере предпринимательской деятельности и невыполнения гражданско-правовой обязанности.

Ключевые слова: мошенничество, гражданско-правовой деликт, предпринимательская деятельность, обман, злоупотребление доверием, разграничение.

Свобода предпринимательской деятельности в современных условиях часто используется для злоупотреблений, принимая проявление внешних атрибутов гражданско-правовых отношений, за счет чего преступления маскируются под профессиональную деятельность, по сути представляя собой усовершенствованный способ преступления, что, в свою очередь, затрудняет правильную юридическую оценку. «Случаи мошенничества, совершаемые с использованием организационно-правовых форм юридического лица, представляют собой не единичные преступления, а преступную деятельность, нацеленную на систематическое получение сверхприбыли» [1, с. 37]. В целях дифференциации ответственности Федеральным законом № 207-ФЗ от 29.11.2012 года в УК РФ введены отдельные составы мошенничества в зависимости от сферы его совершения, среди которых – мошенничество в сфере предпринимательской деятельности. В соответствии со ст. 2 ГК РФ предпринимательская деятельность – самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг лицами, зарегистрированными в этом качестве в установленном законом порядке. Именно при осуществлении такой деятельности и совершается мошенничество, которое следует определить следующим образом: хищение чужого имущества или получения права на него путем обмана или злоупотребления доверием, сопряженное с преднамеренным неисполнением договорных обязанностей. Неисполнение гражданско-правовой обязанности обычно квалифи-

цируется как причинение вреда (ст. 1064 ГК РФ) либо как неосновательное обогащение (ст. 1102 ГК РФ). В том и другом случае юри-дико-фактической основой возникновения обязательства является сам факт гражданского правонарушения.

Специфика мошенничества как преступного явления заключается в том, что собственник или иной владелец имущества как бы добровольно передает либо отчуждает иным образом свое имущество виновному. Лицо, завладевающее имуществом преступным путем, действует так, что создается видимость правомерного перехода имущества в его владение. В соответствии с п. 2 ст. 209 ГК РФ отчуждение имущества может быть произведено только лишь с согласия и (или) по поручению собственника. Поскольку такого согласия и своего волеизъявления на отчуждение имущества собственник не давал, то преступник путем обмана или злоупотребления доверием фактически изымает это имущество у титульного (непосредственного) собственника.

Для преступления необходимо, чтобы мошенник при завладении имуществом или приобретении права на него не имел намерения осуществить услугу или исполнить иное обязательство. Так, «состав преступления исключается, если лицо изначально стремилось исполнить обязательства по сделке, но вследствие определенных обстоятельств, возникших после получения имущества, намерения виновного изменились» [2, с. 23]. При этом не требуется, чтобы лицо было уверено в том, что обязательство будет исполнено. Совершение сделки предполагает определенную степень риска, что

является частью предпринимательской деятельности. В. Юрин утверждает, что «знание намерения лица в момент завладения имуществом позволит правильно разграничить гражданско-правовой деликт и мошенничество...» [3, с. 58]. В таких случаях частноправовая сделка является лишь внешним выражением мошеннических действий. Иной точки зрения придерживается О.А. Мотин [4, с. 266], считающий, что для потерпевшего не имеет значения, когда у виновного возникло желание не исполнять условие сделки, поскольку при мошенничестве умысел может быть как заранее обдуманым, так и возникшим после фактического завладения имуществом. Но в таком случае, в чем же здесь состоит обман, если умысла на хищение не было, ведь при мошенничестве обман – это способ изъятия имущества.

Установление обмана в намерениях на момент завладения имуществом или приобретения права на него является трудной задачей. Об обмане в намерениях могут свидетельствовать следующие обстоятельства: очевидная в момент совершения сделки невозможность исполнения обязательства (в частности, сведения о финансовой состоятельности); последующие действия, направленные на облегчение уклонения от исполнения обязательства; установление способа обмана; анализ поведения виновного в период, предшествующий сделке, а также после совершения сделки; обстоятельства, относящиеся к личности подозреваемого, образ его жизни. Необходимо доказать, что лицо не только осознавало общественную опасность совершаемых действий и предвидело причинение ущерба собственнику, но и желало его причинить.

Сложным представляется доказывание корыстной цели, т.к. обмануть – еще не значит преследовать цель обогащения или избавления от материальных затрат.

В соответствии со ст. 179 ГК РФ обман и заблуждение являются условием, при котором сделка может быть признана недействительной.

Любая гражданско-правовая сделка характеризуется следующими признаками: 1) порождает гражданские правоотношения; 2) является волевым актом; 3) образуется правомерными действиями; 4) направлена на возникновение, прекращение или изменение гражданских правоотношения. Для заключения любого договора необходима согласованная воля двух сторон (либо более). При заключении договора под воздействием обмана или злоупотребления доверием воля присутствует, хотя основывается на ложном представлении. Е.А. Коломиец [5, с. 37] к признакам обмана как деликта относит:

введение в заблуждение или факт ошибки; недобросовестность стороны, которая вводит в заблуждение; виновником должен быть один из контрагентов, а не постороннее лицо; вред стороны обманутой (невыгодность сделки); основное условие заключения договора.

Ученые предлагают различные критерии разграничения мошенничества и гражданско-правового деликта. Так, О.С. Беляк [6, с. 127–128] предлагает в качестве критериев рассматривать способы защиты прав и законных интересов собственников: 1) вещно-правовые средства защиты права собственности, имеющие целью либо установить владение, либо устранить препятствия в осуществлении своих полномочий; 2) обязательно-правовые средства (например, иск о возмещении причиненного ущерба, иск о возврате вещей); 3) средства защиты права собственности, вытекающие из различных институтов гражданского права (например, защита интересов сторон в случае признания сделки недействительной, ответственность залогодержателя); 5) направленные на защиту интересов собственника при прекращении права собственности по основаниям, предусмотренным законом, например гарантии при национализации.

С.В. Богданчиков особое внимание при решении вопроса разграничения преступления и деликта уделяет признаку безвозмездности, поскольку безвозмездность оценивается только при отсутствии согласия на получение имущества [7, с. 83].

Понятие гражданского деликта шире его административно-правовой и уголовно-правовой вариации – если, допустим, хищение реализовано 12-летним лицом, состав преступления и административного правонарушения отсутствует (нет субъекта), однако по правилам гражданского законодательства правонарушение налично, и ответственность возлагается на законных представителей такого ребенка.

Разграничением сфер действия гражданского и уголовного права предлагается рассматривать критерий малозначительности. Это следует понимать не иначе, как если в совершенном лицом деянии все признаки преступного обмана налично, но размер причиненного ущерба является мелким, то можно вести речь исключительно о гражданско-правовой ответственности. В то же время такое деяние будет образовывать признаки мелкого хищения. По мнению Н.Л. Назаровой [8, с. 35], мелкое хищение всегда является гражданско-правовым внедоговорным деликтом, причинившим ущерб собственнику или иному владельцу похищенного имущества. Ес-

ли же в совершенном лицом деянии признаки обмана присутствуют и размер, причиненного ущерба оценивается как незначительный (что образует ч. 1 ст. 159⁴ УК РФ), значительный, крупный или особо крупный, то за малозначительностью переводить данное правонарушение в плоскость гражданско-правовых отношений недопустимо, поскольку это будет нарушение закона. В этом случае лицо может быть освобождено от уголовной ответственности по каким-либо основаниям (например, предусмотренным ст. 75 или 76 УК РФ). Но правоохранительные органы за расследование такого рода дел берутся с большой неохотой, отказывая в возбуждении уголовного дела или прекращая его за отсутствием состава преступления при установлении факта гражданско-правовой сделки, лежащей в основе отношений между сторонами, что, по нашему мнению, неверно, поскольку признаки обмана и злоупотребления доверием не являются бланкетными и не нуждаются в подтверждении с помощью норм гражданского права.

Необходимость разграничения уголовной ответственности и гражданской ответственности возникает только в том случае, если признаки преступного поведения отсутствуют, и тогда следует решить вопрос о привлечении лица к гражданской ответственности.

Так, Судебная коллегия Верховного суда РФ подтвердила правильность выводов Курганского городского суда об отсутствии в деянии Щукина состава преступления, а именно отсутствие умысла на хищение имущества, на заведомое невозвращение полученных кредитов, указав следующее: Щукин получал кредиты в банке на законных основаниях, при этом нет никаких доказательств, свидетельствующих о том, что он не собирался их возвращать. Напротив, согласно материалам дела и обвинительному заключению, Щукин из полученных им кредитов и долга по процентам возвратил банку более половины всей суммы. Кроме того, как усматривается из показаний Щукина в судебном заседании, он вернул бы и оставшуюся сумму кредитов, если бы банк в одностороннем порядке не прекратил финансирование его предприятий [9, с. 14].

Если же признаки деяния, предусмотренного ст. 159⁴ УК РФ доказаны, то это не исключает возможности, наряду с привлечением к уголовной ответственности, возмещения причиненного ущерба в рамках гражданского законодательства.

Н.И. Пикуров называет случаи, когда гражданско-правовая сделка порождает только уголовно-правовые отношения, т.е. когда путем

обмана создается невозможность реализовать гражданско-правовые способы защиты нарушенных прав, на что, в частности, указывают: намеренное сокрытие или искажение информации о личности мошенника, что не позволяет при обнаружении обмана предъявить иск, создание иным способом анонимности контрагента (например, с использованием сети Интернет); заключение сделки в устной форме вместо обязательной письменной; намеренное затягивание переговорного процесса до истечения сроков давности, т.е. «мошенник, в отличие от обычного недобросовестного контрагента, предпринимает меры для того, чтобы блокировать возможность применения норм гражданского права» [10, с. 451]. Таким образом, наличие гражданско-правовых отношений между субъектами предпринимательской деятельности не может служить препятствием для привлечения к уголовной ответственности, если нарушена уголовно-правовая норма.

По делу Буренкова кассационная инстанция указала на отсутствие в его деянии состава преступления. Суд второй инстанции сослался на следующее: между Буренковым и другими лицами возникли гражданско-правовые отношения, и за невыполнение договоров он должен нести гражданско-правовую ответственность. В дальнейшем Президиум Верховного суда РФ, указав на ошибочность таких выводов, подчеркнул, что Буренков нигде не работал, реальной возможности поставить сахарный песок и крупу не имел. Договоры о поставке продуктов заключались не самим Буренковым, а подставными лицами, и ни один из договоров выполнен не был [11, с. 18].

Об исключении уголовной ответственности можно говорить, только если преднамеренность обмана не была доказана и не установлена корыстная цель, и потерпевший может использовать средства гражданско-правовой защиты.

Так, по делу Головина, Головиной и Асеева суд указал, что в деле нет доказательств, подтверждающих наличие в действиях осужденных преднамеренных обмана или злоупотребления доверием с целью безвозмездного завладения деньгами. Осужденные не обратили в свою пользу либо в пользу третьих лиц суммы полученного кредита, погасить своевременно задолженность не имели возможности в связи с отсутствием денежных средств по причине неумелого и неудачного ведения дел. Неисполнение договорных обязательств при таких обстоятельствах влечет гражданско-правовую ответственность [12, с. 22].

Таким образом, разграничение мошенничества и гражданско-правового деликта требуется только в том случае, когда не были доказаны признаки состава мошенничества (1 – способы совершения преступления (обман или злоупотребление доверием); 2 – признаки хищения; 3 – сфера деятельности (предпринимательская); 4 – договорные отношения; 5 – заранее возникший умысел), что является гражданско-правовым деликтом, не образуя преступления. В остальных случаях разграничение не требуется, поскольку привлечение к уголовной ответственности не исключает возможности привлечения и к гражданско-правовой ответственности.

Список литературы

1. Шумов Р.Н. Мошенничество в сфере аренды жилья // Юрист. 2003. № 4. С. 35–37.
2. Семенов В.Г. Установление факта преступного завладения чужим имуществом // Уголовный процесс. 2006. № 10. С. 23–25.
3. Юрин В. Как установить умысел мошенника // Российская юстиция. 2002. № 9. С. 58–59.
4. Мотин О.А. Уголовно-правовая защита интересов граждан от мошеннических действий. Материалы III российского конгресса уголовного права (29–30 мая 2008 г.) // В сб. Противодействие преступности: уголовно-правовые, криминологические и уголовно-исполнительные аспекты. М.: Проспект, 2008. С. 265–266.
5. Коломиец Е.А. Заблуждение и обман как условие недействительности сделок: Дисс... канд. юрид. наук. Краснодар, 2005. 179 с.
6. Беляк О.С. Ответственность за мошенничество по уголовному праву России: Дисс... канд. юрид. наук. М., 2006. 153 с.
7. Богданчиков С.В. Противодействие преступным посягательствам на абсолютные права собственности: Дисс... канд. юрид. наук. М., 2006. 236 с.
8. Назарова Н.Л. Мелкое хищение чужого имущества: понятие, сущность и проблемы квалификации. Уч. пособие. Н. Новгород, 2000. 40 с.
9. Определение Судебной коллегии Верховного Суда РФ от 31.03.1997 г. // БВС РФ. 1997. № 10.
10. Пикуров Н.И. Комментарий к судебной практике квалификации преступлений на примере норм с бланкетными диспозициями. М.: Юрайт, 2009. 488 с.
11. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 24.04.1996 г. // БВС РФ. 1997. № 2.
12. Определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 26.07.1999 г. // БВС РФ. 2001. № 8.

CRITERIA FOR DISTINGUISHING BETWEEN FRAUD IN THE FIELD OF BUSINESS AND TORT

I.A. Kiseleva

The article discusses the problems of distinguishing between fraud in the field of business and failure to meet one's civil obligations.

Keywords: fraud, civil tort, entrepreneurial activity, deception, abuse of trust, differentiation.